

На правах рукописи

Савосич

САВОСИЧЕВ Андрей Юрьевич

**ДЪЯКИ И ПОДЪЯЧИЕ XIV – XVI ВЕКОВ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И
СОЦИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук**

Орёл 2015

Диссертация выполнена на кафедре религиоведения и теологии философского факультета федерального государственного бюджетного учреждения высшего профессионального образования «Орловский государственный университет»

Научный консультант: доктор исторических наук
Павлов Андрей Павлович

Официальные оппоненты: **Володихин Дмитрий Михайлович,**
доктор исторических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова», исторический факультет, кафедра источниковедения, профессор

Кром Михаил Маркович,
доктор исторических наук
НОУ ВПО «Европейский университет в Санкт-Петербурге», факультет истории, университетский профессор исторической компаративистики

Пенской Виталий Викторович,
доктор исторических наук, доцент
ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», юридический институт, кафедра теории и истории государства и права, профессор

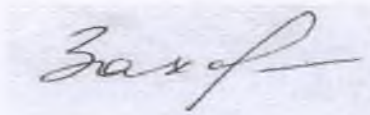
Ведущая организация: ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет»

Защита диссертации состоится «28» марта 2016 г. в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 212.038.12 в ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет» по адресу: 394068, г. Воронеж, ул. Хользунова, 40, учебный корпус № 5, блок А, ауд. 203 «А».

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке Воронежского государственного университета и на сайте www.science.vsu.ru.

Автореферат разослан «___» _____ г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Е.Ю. Захарова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность избранной нами темы следует, на наш взгляд, рассматривать, прежде всего, в контексте генезиса российской бюрократии. Бюрократия является атрибутом отечественной государственности, по меньшей мере, три последних столетия. Зародилось ли это явление в XVIII в. или в XVII столетии, оно имело свои исторические предпосылки. Бюрократия – продукт эволюции российской государственности. Поэтому, чтобы понять суть бюрократии, необходимо изучить её истоки, уяснить, откуда взялись люди, ставшие бюрократами, выявить ту социальную среду, которая породила и питала бюрократию. Полагаем, что именно дьяки и подьячие были предтечами всесильной и вездесущей российской бюрократии. Они были первыми профессиональными управленцами, чьё существование зависело исключительно от государства.

Степень изученности темы. В отечественной историографии проблема социального происхождения дьяков и подьячих затрагивалась почти исключительно в контексте исследований приказной системы. Можно найти сравнительно немного трудов, где одной из отдельных задач исследования было бы определение социального происхождения и статуса служилой бюрократии. Несмотря на наличие основательных исследований, вопрос о социальном происхождении дьяков XIV–XVII вв. окончательно, на сегодняшний день, не решен. Существуют две точки зрения. Авторы утверждают либо, что дьяки суть выходцы из служилых людей по отечеству (дворян, детей боярских) с небольшим вкраплением лиц другого происхождения, либо, что дьяки суть талантливые выдвиженцы из низов (духовенства, посадских и торговых людей). Не вызывает споров только один тезис: дьячество как служилая прослойка выросло из рядов несвободных великокняжеских слуг, холопов.

Проблема происхождения подьячих XV–XVI вв. практически совершенно не исследована. Как своеобразная аксиома высказывается мысль, что предварительная служба в подьячих была обязательной для дьяков. Отсюда сам

собой следует вывод, что происхождение подьячих было аналогично происхождению дьяков.

Нет специальных работ о происхождении удельных и митрополичьих дьяков. Эта проблема пребывает в тени вопроса о происхождении дьяков великокняжеских.

Систематически не исследовались родственные связи дьяков и подьячих. Важность этого вопроса констатировалась неоднократно, но исследователи ограничивались лишь отдельными, никак не обобщенными наблюдениями.

Нет единства мнений по вопросу о сложении в России наследственной приказной бюрократии. Одни авторы констатируют наличие подобного процесса уже в XVI в., другие утверждают, что сыновья дьяков неохотно шли по стопам отцов и пополняли преимущественно ряды дворян и детей боярских.

Имеющиеся в историографии данные о землевладении дьяков и подьячих в большинстве своём представляют собой отдельные, никак не систематизированные замечания. Исключение составляют лишь работы Н.Ф. Демидовой, Е.С. Зевакина и О.А. Шватченко. Однако эти исследования, во-первых, посвящены служилой бюрократии XVII в., а, во-вторых, не исчерпывают всех вопросов, связанных со спецификой и динамикой землевладения дьяков и подьячих.

Полагаем, что социальное происхождение служилой бюрократии должно стать предметом специального исследования, выполненного на основании максимально возможного количества источников. Многие особенности историографии проблемы обусловлены, на наш взгляд, тем, что вопрос об источниках формирования корпуса дьяков и подьячих зачастую решался как бы попутно, будучи отодвигаем на периферию исследования, заслоняем другими задачами, на которые авторы тратили основную массу времени и сил. Далекое во всех работах интересующая нас проблема выделена в отдельную главу или даже параграф. Если же такой пункт в оглавлении и присутствует, то его доля незначительна по отношению к общему объёму работы.

Проблема кадрового состава приказной бюрократии требует комплексного подхода. Необходимо проанализировать социальное происхождение, брачно-семейные связи, материальное положение и дьяков, и подьячих. Пожалуй, все исследователи констатируют тесную взаимосвязь дьяков и подьячих, но в трудах своих основное внимание часто уделяют только дьякам.

К вопросу о социальной среде, породившей дьяков и подьячих, необходимо подходить диалектически. Многие разногласия между исследователями возникают, на наш взгляд, из-за того, что социальное происхождение представителей служилой бюрократии рассматривается как некое статическое явление. Между тем, полтора-два и даже одно столетие достаточно длительный срок для социальной эволюции.

Данные о социальном происхождении дьяков и подьячих и об их землевладении следует, по нашему мнению, анализировать с использованием количественных методов. Среди исследователей на этот счёт высказываются разные мнения. Одни авторы принципиально скептически относятся к любым подсчётам, кроме, пожалуй, тех, что используются в аграрной и, вообще, экономической истории. Другие же, напротив, считают подсчёты плодотворными. В качестве примера можно привести исследования Н.В. Рыбалко и Д.В. Лисейцева.

Цель и задачи исследования. Цель настоящего диссертационного исследования состоит в том, чтобы проследить эволюцию социального происхождения дьяков и подьячих различных категорий (великокняжеских, удельных, митрополичьих) с момента возникновения этих социальных групп до 1584 г. Поставленная цель предусматривает решение следующих задач:

- проанализировать происхождение дьяков и подьячих;
- определить значение совокупности служебных заслуг предков («отечества») для динамики карьеры дьяков и подьячих;
- выявить социальные связи дьяков и подьячих, возникшие благодаря заключению браков, показать значение такого рода связей как индикатора социального веса дьяков и подьячих;

- систематизировать биографические сведения о сыновьях дьяков и подьячих в контексте проблем формирования наследственной бюрократии в России, роли «отечества» в карьере служилого человека;

- осуществить синтез данных о землевладении дьяков и подьячих. Дать ответы на вопросы о принадлежности дьяков и подьячих к классу служилых землевладельцев, о распространении в их среде различных форм феодальной земельной собственности (вотчины, поместья, оброчного владения), о размерах и географии земельной собственности дьяков и подьячих.

Источниковую базу диссертации составляют письменные источники разных видов. В первую очередь это акты, материалы, делопроизводственная документация центральных и местных государственных учреждений, материалы писцового делопроизводства. Автором изучены разрядные книги, десяти, Тысячная книга и Дворовая тетрадь, боярские списки, списки детей боярских, «Боярская книга» 1556/57 г., Шереметевский список думных чинов, роспись русского войска 1604 г. Большое внимание было уделено материалам родословных книг и росписей. Просмотрены имеющиеся публикации приходно-расходных и записных книг государственных учреждений, монастырских вкладных, кормовых и хозяйственных книг, описи государственных и монастырских архивов. Много интересных сведений почерпнуто из дипломатической документации. Ряд уникальных генеалогических сведений был обнаружен в описаниях некрополей и синодиках разного типа.

Научная новизна исследования заключается в новой постановке научной проблемы, новом применении просопографического метода, в полученных результатах, новых для отечественной историографии.

Составлен наиболее полный на сегодняшний день список дьяков и подьячих, выявлены и обобщены новые биографические сведения о представителях служилой бюрократии. На основании изучения как классических, так и новейших публикаций источников, исследования архивных материалов (в том числе не введенных до сего дня в научный оборот) существенно дополнены,

существующие на сегодняшний день, базы просопографических сведений о дьяках и подьячих XIV–XVI вв.

Впервые проблема происхождения дьяков решается в избранных хронологических рамках: XIV–XVI вв. В предшествующей историографии данная проблема рассматривалась применительно к отдельным периодам российской истории (XIV – первая половина XV вв., вторая половина XV – первая треть XVI вв., первая треть XVI в., XVI век в целом, Смутное время, XVII век в целом и т.д.). Расширение хронологических рамок темы позволило выявить динамику развития социального происхождения дьяков на протяжении трех столетий.

Новым является выделение в самостоятельную проблему исследования происхождения подьячих XV–XVI вв. Применение просопографического метода позволило выявить специфику их происхождения и социальных связей.

Впервые поставлена и решена задача определения происхождения и выявления социальных связей дьяков и подьячих удельных князей, дьяков и подьячих митрополитов Московских. В историографии служилой бюрократии до сего дня не было специальных работ, посвященных данной проблеме.

Новизна исследования состоит также в новой постановке проблемы землевладения дьяков и подьячих. Выявлен и обобщен большой массив данных о земельных владениях всех исследуемых категорий приказной бюрократии. Комплексный анализ этих данных, впервые проведенный в историографии, позволил определить место дьяков и подьячих в структуре класса служилых землевладельцев, выявить специфику землевладения служилой бюрократии в плане его происхождения, структуры, размеров и географии.

Теоретическая и практическая значимость работы. Материалы исследования, применённые методики и полученные результаты могут быть использованы в научной и преподавательской деятельности, в частности, при дальнейшей научной разработке истории России XIV–XVI вв., создании учебных и лекционных курсов, а также написании научно-популярных работ по истории России. Новое исследование дьяков и подьячих как социальной корпорации может быть использовано специалистами разного профиля, занимающимися

проблемами генезиса отечественной бюрократии, станет вкладом в изучение процессов и механизмов государствообразования и социальной динамики.

Методология и методы исследования. В основу методологии исследования положены принципы научной объективности и системности. Научная объективность предполагает непредвзятый учёт всех предложенных в научной литературе подходов к изучению объекта исследования. Комплексный анализ максимально возможного количества источников, содержащих достоверную информацию по теме, обеспечивает исследованию необходимую системность. Из арсенала специальных научных методов основная роль отводится просопографическому методу.

На защиту выносятся следующие **основные положения диссертационного исследования:**

1. Социальное происхождение великокняжеских (после 1547 г. царя и великого князя) дьяков не было неизменным. В развитии этого явления, в хронологических рамках данного исследования, можно выделить три основных этапа: 1) XIV – первая четверть XV в.; 2) вторая четверть XV – первая треть XVI в.; 3) правление Ивана IV (1533-1584 гг.). Дьячество рекрутировалось, во-первых, из среды дворян и детей боярских, «служилых людей по отечеству». С определёнными оговорками мы именуем этот социальный слой дворянством. Во-вторых, дьяки бывали сыновьями дьяков и подьячих. В-третьих, социальное происхождение дьяков связано с духовенством, торгово-ремесленными кругами города, дворцовыми слугами (в том числе несвободными, холопами, министерялами). Условно именуем этот третий элемент выходцами из «демократических» слоёв населения. На разных этапах истории дьячества соотношение этих трёх элементов в социальном происхождении служилой бюрократии претерпевало изменения.

2. Происхождение великокняжеских дьяков определяло структуру их родственных связей, которые выстраивались, главным образом, «по горизонтали», т.е. внутри того социального слоя, из которого дьяки происходили. Происхождение оказывало влияние и на динамику карьеры дьяка. Уровень

профессионализма не был на дьяческой службе единственным принципом подбора и расстановки кадров. Так же, как и для дворян и детей боярских (а дьяки были неотъемлемой частью служилого сословия) для дьяков совокупность служебных заслуг предков («отечество») была важным фактором карьерного роста. «Отечество» определяло и карьеру дьяческих сыновей, которые, в основной массе, возвращались в те социальные группы, откуда вышли их предки. Чего-либо похожего на французское «дворянство мантии» в России не сложилось.

3. В XIV – первой четверти XV вв. дьячество было категорией несвободных слуг. Примерно со второй четверти XV в. дьяки великого князя вне зависимости от происхождения вливаются в состав «служилых людей по отечеству». Дьячество становится одним из чинов Государева двора. Применительно к аристократии, дворянству, детям боярским и дьячеству можно говорить о единстве социально-экономической природы. Все они относились к одному классу служилых землевладельцев. Дьяки были людьми обеспеченными, уровень доходов позволял им составлять значительные земельные состояния. Наиболее влиятельные дьяки второй половины XVI в. имели земельные владения, сравнимые с владениями представителей боярской аристократии.

4. Происхождение дьяков удельных князей в структуре Московского великого княжения и дьяков митрополитов Московских в основных своих чертах сходно с происхождением дьяков великокняжеских. В плане родственных связей, отношения к земельной собственности великокняжеским, удельным и митрополичьим дьякам присущи сходные черты.

5. Тезис о тождестве социального происхождения дьяков и подьячих нуждается в пересмотре. Прежде всего, в силу ненадёжности главного аргумента его сторонников: все дьяки обязательно проходили службу в подьячих. Обычай этот, чётко фиксируемый источниками применительно к трём последним четвертям XVII в., существовал не изначально и складывался постепенно. Если дьячество существовало уже во второй трети XIV в., то первое упоминание о подьячих относится только ко второй четверти XV в. Первые известные

пожалования подьячих в дьяки относятся к середине – второй половине XV в. и выглядят как исключение.

6. Происхождение подьячих имело свои особенности. Подьячие рекрутировались из тех же социальных слоёв, что и дьяки: из дворян, потомственных приказных, духовенства, купечества, посадских, дворцовых слуг. Однако соотношение этих элементов было иным. Подьячие в сравнении с дьяками в целом были более «худородны». Выходцев из детей боярских в их среде меньше, а потомственных приказных и выходцев из «демократических» слоёв населения, напротив, больше.

7. Так же, как и в среде дьяков, для подьячих «отечество» определяло структуру их родственных связей, оказывало влияние на служебную карьеру как самих подьячих, так и их сыновей. Будучи представителями служилого сословия, подьячие входили в состав класса служилых землевладельцев. В то же время размеры земельной собственности подьячих уступали размерам земельной собственности как дьяков, так и наиболее зажиточной части дворян и детей боярских. Часть подьячих совсем не имела ни поместий, ни вотчин, предпочитая земельной ренте доходы от службы и торгово-ремесленных занятий.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Достоверность научных положений в диссертации обеспечивается:

- использованием в качестве теоретической основы диссертации результатов фундаментальных трудов российских историков приказной системы управления и служилой бюрократии;
- изучением широкого круга разнообразных источников, применением к просопографическому материалу количественного анализа;
- апробацией результатов исследования в публикациях автора, в выступлениях на научных конференциях.

По теме диссертации опубликованы две монографии и 33 научных публикации. В период между 2003 и 2013 гг. ход и результаты исследования излагались в научных докладах автора на двух международных и десяти всероссийских конференциях в Вологде, Калуге, Курске, Москве и Орле.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во «Введении» поставлена научная проблема исследования, обосновывается актуальность темы, указываются объект и предмет, цель и задачи исследования, его хронологические рамки, степень научной разработанности, источниковая база, методология, раскрывается научная новизна и практическая значимость работы.

В главе I «Историография и источники» представлены развитие суждений историков и использованные источники.

В **параграфе 1** даётся подробная, с анализом конкретных работ учёных, характеристика нескольких этапов развития историографии темы.

Первые мнения о происхождении дьяков были высказаны в 90-е гг. XVIII в. Г.Ф. Миллером и М.Г. Спиридовым¹. В 30-х – середине 80-х гг. XIX в. свои суждения по данному вопросу вынесли К.И. Арсеньев, И.Д. Беляев, М.Ф. Владимирский-Буданов, Н.П. Загоскин, П. Иванов, К.Е. Троцина, С.М. Соловьёв, Н. Хлебников². Наметились две точки зрения на проблему. Одни авторы писали о преимущественно дворянском происхождении дьяков (Г.Ф. Миллер, М.Г. Спиридов, И.Д. Беляев), другие утверждали, что дьячество рекрутировалось из «состояний низших» (К.И. Арсеньев, П. Иванов, К.Е. Троцина, Н. Хлебников, М.Ф. Владимирский-Буданов). Пожалуй, единственным, кто коснулся вопроса о происхождении подьячих, был Б.Н. Чичерин. В своём труде «Областные учреждения России в XVII в.» он отметил, что подьячие в региональные приказные избы избирались местным населением или присылались из Москвы.

¹ Миллер Г.Ф. Известия о дворянах российских. СПб., 1790. С. 226, 230; Спиридов М.Г. Родословный российский словарь. М., 1793. С. LXV.

² Арсеньев К.И. Об устройстве управления в России с XV до исхода XVIII столетия // Материалы для статистики Российской империи, издаваемые с Высочайшего соизволения при статистическом отделении Совета министерства внутренних дел. СПб., 1839. С. 6; Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства. М., 1879. С. 142; Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Издание 3-е. СПб., 1900. С. 127 (Первое издание этого труда вышло в свет в 1886 г.); Загоскин Н.П. История права Московского государства. Т. 2. Казань, 1879. С.57; Иванов П. Описание государственного Разрядного архива. М., 1842. С. 5; Соловьёв С.М. Сочинения. Кн. 2. М., 1993. С. 110; кн. 3. М., 1993. С. 437, 565-566; Троцина К.Е. История судебных учреждений в России. СПб., 1851. С. 68-69; Хлебников Н. О влиянии общества на организацию государства в царский период русской истории. СПб., 1869. С. 169, 235, 363.

На местах подьячие выбирались «из всяких чинов «из каких пригоже», кроме тяглых людей»³. Для всех сочинений характерно то, что проблема происхождения дьяков не выделялась в самостоятельную задачу исследования. Суждения авторов были основаны на узком круге источников.

Важной вехой в историографии приказной системы и дьячества стал 1888 г. В этом году вышел в свет фундаментальный труд Н.П. Лихачева «Разрядные дьяки XVI века». Одной из задач исследования было определено «провести мысль о том, что все видные дьяки XVI века происходили из служилого слоя»⁴. Задача эта была блестяще решена на основании анализа широкого круга источников, в том числе и ранее не опубликованных.

Скепсис по отношению к выводам Н.П. Лихачева высказал Н.Н. Оглоблин. По его мнению, выводы Н.П. Лихачева были основаны на анализе лишь небольшой части биографических данных о дьяках, что порождает сомнения в корректности самих выводов. Сам Н.Н. Оглоблин пришёл к выводу, что столичное дьячество в XVII в. комплектовалось в основном из подьячих, а корпус подьячих формировался из подьяческих же детей, пушкарей, площадных и губных дьячков, посадских, духовенства, казаков; стрелецких, казачьих и солдатских детей; гулящих людей (дети служилых и тяглых людей, не попавшие в службу и тягло)⁵.

Впоследствии с выводами Н.П. Лихачева солидаризировались С.М. Середонин и И.И. Шимко, к точке зрения Н.Н. Оглоблина присоединились Д.А. Корсаков, А.И. Маркевич, Н.П. Павлов-Сильванский, Д.Я. Самоквасов и В.И. Сергеевич⁶. К числу новых явлений в историографии нашей темы, возникших в

³ Чичерин Б.Н. Областные учреждения России в XVII в. М., 1856. С. 103.

⁴ Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVI в. М.-СПб., 2007. С. XII, 135, 137.

⁵ Оглоблин Н.Н. Происхождение провинциальных подьячих в XVII в. // Журнал Министерства народного просвещения. 1894. Ч. 295. С. 118, 119, 121-123, 135-136, 141, 146, 150, 223, 235-236.

⁶ Веселовский С.Б. Московское государство: XV – XVII вв. М., 2008. С. 366, 367; Корсаков Д.А. Московский Разрядный приказ и книга Н.П. Лихачева о разрядных дьяках XVI в. // Журнал Министерства народного просвещения. 1889. Ч. 265. С. 295-296; Маркевич А.И. История местничества. Одесса, 1888. С. 159; Павлов-Сильванский Н.П. Государевы служилые люди (первое издание этого исследования было осуществлено в 1898 г.). М., 2001. С. 157; Самоквасов Д.Я. Курс истории русского права. Изд. 3-е. М., 1908. С. 265; Сергеевич В.И. Русские юридические древности. Т. 1. СПб., 1902. С. 522-523, 525, 537, 550-552; Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russe common wealth» как исторический источник. СПб., 1891. С. 187; Шимко И.И. Патриарший казённый приказ // Описание Московского архива Министерства юстиции. Кн. 9. С. 18.

начале XX в., следует отнести постановку вопроса о материальном обеспечении дьяков⁷.

Советская историография дьяков и подьячих в том её сегменте, который имеет отношение к нашей теме, касалась тех же проблем, что и историография дореволюционная. Одной из первых работ здесь стала статья С.К. Богоявленского «Приказные дьяки XVII в.». С.К. Богоявленский первым перешел от суммирования впечатлений, возникавших в процессе изучения источников, к подсчетам. Он пришел к выводу, что подавляющее большинство дьяков были выходцами из дворянской среды⁸. Говоря о соотношении подьяческой и дьяческой службы, С.К. Богоявленский указал на роль дворянского происхождения и связей в пожаловании из подьячих в дьяки⁹.

Вслед за Н.П. Лихачевым С.К. Богоявленский отметил, что сыновья дьяков обычно не следовали по стопам отцов, стремясь к чисто дворянской службе. Ещё одним путем интегрирования в дворянскую среду для дьячества были брачно-семейные связи, устанавливая которые дьякам позволяли их влияние при дворе и богатство¹⁰. С.К. Богоявленский констатировал наличие у дьяков трёх основных источников доходов: денежного жалования, земельных владений и «кормления от дел». Автор пришел к выводу, что дьяки XVII в. были крупными землевладельцами. В структуре их имений преобладали вотчины¹¹.

С точкой зрения С.К. Богоявленского о происхождении дьяков XVI и XVII вв. из среды детей боярских солидаризировались А.В. Чернов, Н.В. Устюгов, А.К. Леонтьев и Р.Г. Скрынников¹². А.П. Павлов исследовал дьячество царей Федора и Бориса и пришёл к тому же выводу¹³.

⁷ Белокуров С.А. О посольском приказе. М., 1906. С. 29, 34, 35; Рождественский С.В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. СПб., 1897. С. 223-224.

⁸ Богоявленский С.К. Приказные дьяки XVII в. // Исторические записки. Т. 1. М.-Л., 1937. С. 224-225.

⁹ Там же. С. 223.

¹⁰ Там же. С. 225-226.

¹¹ Там же. С. 234-236.

¹² Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV – начало XVII в. М., 1955. С. 326; Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М.-Л., 1955. С. 379, 381; Леонтьев А.К. Образование приказной системы управления в Русском государстве. М., 1961. С. 30; Скрынников Р.Г. Опричный террор. Л., 1969. С. 52, 245.

¹³ Павлов А.П. Приказы и приказная бюрократия (1584-1605 гг.) // Исторические записки. Т. 117. М., 1988. С. 211-212.

А.А. Зимин, с одной стороны, констатировал дворянское происхождение дьяков, участвовавших в соборе 1566 г., а, с другой стороны, заключая своё знаменитое собрание просопографических сведений о дьяках второй половины XV – первой трети XVI вв., отметил: «К сожалению, с достаточной определённойостью говорить, какой социальный слой дал основную массу дьяков, не представляется возможным»¹⁴.

С.О. Шмидт вслед за кн. А. Курбским, Т. Тетериным и М. Татищевым пришёл к выводу, что дьяки происходили из «простого всенародства»¹⁵. Н.Ф. Демидова полагала, что «основным является вопрос о комплектовании подьяческих кадров, тогда как вопрос о комплектовании дьячества производный». По подсчётам автора почти 90 % дьяков были пожалованы из подьячих¹⁶.

Первым в советской историографии исследованием, посвященным происхождению подьячих, стала статья Е.С. Зевакина. Согласно выводам автора, более четверти подьячих суть сыновья подьячих, примерно пятая часть из духовенства, остальные из посадских и других представителей «демократических» слоёв населения. Выходцев из дворян менее десятой¹⁷. Н.В. Устюгов полагал, что подьячие «комплектовались из тех же общественных слоёв, что и дьяки, т.е. дворян, детей духовенства, из служилых людей по прибору и посадских людей»¹⁸. Н.Ф. Демидова пришла к заключению, что подьячие московских приказов в основной своей массе были либо потомственными приказными (сыновьями подьячих), либо происходили из духовного звания (сыновья священно- и церковнослужителей). Во второй половине XVII в. столичные учреждения в значительной мере пополнялись за счёт перевода подьячих из уездов. В уездных приказных избах подьячие, в целом, были

¹⁴ Зимин А.А. Опричнина. М., 2001. С. 123, 335-336; *Он же*. Дьяческий аппарат. С. 284.

¹⁵ Шмидт С.О. У истоков российского абсолютизма. М., 1996. С. 316-318.

¹⁶ Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и её роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 52, 77.

¹⁷ Зевакин Е.С. Подьячие Поместного приказа начала XVIII в. // Исторические записки. Т.11. М., 1941. С. 280-281.

¹⁸ Там же. С.380.

выходцами из тех же социальных слоёв (с определёнными территориальными особенностями)¹⁹.

В утверждении, что дворянская служба была популярна среди дьяческих сыновей в гораздо большей степени, чем приказная, С.К. Богоявленского поддержали С.Б. Веселовский и А.П. Павлов²⁰. Напротив, А.В. Чернов, Н.В. Устюгов, А.К. Леонтьев и А.А. Зимин писали о наследственности дьяческой службы в XVI столетии²¹.

Вопрос о материальном обеспечении дьяков и подьячих был всесторонне исследован Н.Ф. Демидовой, расширившей и углубившей выводы С.К. Богоявленского²². Е.С. Зевакин сосредоточил своё внимание на землевладении подьячих²³. В контексте исследования общих тенденций в развитии вотчинного землевладения первой трети XVII в. интересующей нас темы коснулся О.А. Шватченко²⁴. Свои мнения о землевладении дьяков второй половины XV – XVI вв. высказали А.К. Леонтьев, А.А. Зимин, С.О. Шмидт и В.Б. Кобрин²⁵.

Основные тенденции развития землевладения дьяков и подьячих XVII в. следует, по всей видимости, считать выясненными. В то же время применительно к землевладению дьяков XV–XVI столетий в советской историографии были сделаны только самые общие наблюдения.

В современной исторической науке в целом сохраняются традиционные подходы к анализируемым нами проблемам. Концепции преимущественно дворянского происхождения дьяков придерживаются И. Граля, М.М. Бенцианов,

---

¹⁹ Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и её роль в формировании абсолютизма. С. 58, 61, 68-70, 73-75.

²⁰ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 127; Павлов А.П. Приказы и приказная бюрократия ... С. 212.

²¹ Зимин А.А. Дьяческий аппарат в России второй половины XV - первой трети XVI вв. // Исторические записки. М., 1971. Т. 87. С.285; Леонтьев А.К. Образование приказной системы управления в Русском государстве. С.31; Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV – начало XVII в. М., 1955. С. 326.

²² Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и её роль в формировании абсолютизма. С. 90-146.

²³ Зевакин Е.С. Подьячие Поместного приказа начала XVIII в. С. 281.

²⁴ Шватченко О.А. Светские феодальные вотчины России в первой трети XVII века. М., 1990. С. 55-56, 58-59, 107, 108.

²⁵ Зимин А.А. Дьяческий аппарат ... С.285; Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 140; Леонтьев А.К. Образование приказной системы управления в Русском государстве. С. 30; Шмидт С.О. У истоков российского абсолютизма. М., 1996. С. 315.

М.Е. Бычкова, С.В. Шишков, Д.В. Лисейцев²⁶. Напротив, Н.В. Рыбалко пришла к выводу, что в среде дьяков начала XVII в. выходцы из среды дворян и детей боярских не составляли большинства²⁷. Ю.Г. Алексеев проследил процесс превращения великокняжеских дьяков из категории несвободных слуг в представителей служилого сословия²⁸. Социальная неоднородность дьячества была констатирована И.О. Тюменцевым и О.В. Новохатко²⁹. Появились работы, посвященные отдельным представителям дьячества и его территориальным группам³⁰. М.М. Кром основное внимание уделил роли дьяков в управлении государством в период малолетства Ивана Грозного. Для нашей темы особенно ценна предпринятая автором реконструкция корпуса дьяков и подьячих избранной эпохи³¹.

Применительно к подьячим констатируется однородность их происхождения с происхождением дьяков³². Попытка Н.В. Рыбалко пересмотреть эту точку зрения, вызвала возражения Д.В. Лисейцева³³.

²⁶ Бенцианов М.М. Государев двор и территориальные корпорации служилых людей Русского государства в конце XV – середине XVI в. Дисс. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000. С. 100-103; Бычкова М.Е. Зарождение чиновничьего аппарата Русского государства. Генеалогические заметки // Российское самодержавие и бюрократия. Сб. ст. в честь Натальи Федоровны Демидовой. М.-Новосибирск, 2000. С. 66, 68, 69; Граля И. Иван Михайлов Висковатый. М., 1997. С. 22-29, 31-32, 47-50; Лисейцев Д.В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.-Тула, 2009. С. 519, 521-532; Он же. О социальном происхождении дьяков эпохи Смуты // *Paleobureaucratica*. М., 2012. С. 213-216, 220, 222, 223; Шишков С.В. Дьяк Андрей Яковлевич Щелкалов. Опыт реконструкции политической биографии. Дисс. канд. ист. наук. М., 2002. С. 59.

²⁷ Рыбалко Н.В. Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII столетия. М., 2011. С. 369-394.

²⁸ Алексеев Ю.Г. У кормила Российского государства. СПб., 1998. С. 14, 15, 22, 177, 275.

²⁹ Новохатко О.В. Разряд в 185 году. М., 2007. С. 557, 558, 576-577; Тюменцев И.О. Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999. С. 306-307.

³⁰ Богатырев С.Н. Клан дьяков Щелкаловых // Историческая генеалогия. Вып. 5. Екатеринбург, 1995. С. 60-70; Булычев А.А. Потомки «мужа честна» Ратши: генеалогия дворян Каменских, Курицыных и Волковых-Курицыных. М., 1994; Кузьмин А.В. На пути в Москву: очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. Т. 1. М., 2014. С. 230-232, 243; Мазуров А.Б. Род дьяков Мишуриных в XVI веке // Российская история. 2013. № 5. С. 105, 107, 111, 114, 117-119; Макарий (Веретенников), архим. Государев дьяк Иван Выродков // Сообщения Ростовского музея. Вып. 18. Ростов, 2009. С. 5; Пономарева И.Г. Великокняжеский дьяк Стефан Никифорович Бородатый // Вопросы истории. 2012. №3. С.125-126; Рыков Ю.Д. Меженина – неизвестный дьяк великой княгини второй половины XV в. и судьба книги «Пандекты» Никона Черногорца с записями этого дьяка // Исследования по истории Средневековой Руси. М., 2006. С. 434-458; Селин А.А. К происхождению приказной бюрократии Великого Новгорода в 1611-1617 годы // Генеалогия на Русском Севере: история и современность. Архангельск, 2003; Он же. Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008. С. 552-560.

³¹ Кром М.М. «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30-х – 40-х гг. XVI в. М., 2010. С. 491-509, 814-854.

³² Граля И. Указ. соч. С. 30, 51-52.

³³ Лисейцев Д.В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. С. 527; Рыбалко Н.В. Указ. соч. С. 394.

Гораздо меньше внимания уделялось проблемам родственных связей дьяков (И. Граля, А.П. Павлов, А.А. Булычев, С.Н. Богатырев, Ю.Г. Алексеев, М.М. Бенцианов, М.Е. Бычкова, С.В. Шишков, О.В. Новохатко, А.Б. Мазуров, Н.В. Рыбалко) и их имущественного положения (И. Граля, О.В. Шватченко, Н.В. Рыбалко), карьере дьяческих сыновей (Ю.Г. Алексеев, М.М. Бенцианов, Н.В. Рыбалко, Д.В. Лисейцев). В основном подчёркивалось наличие родственных связей дьяческих семей между собой и с аристократическими фамилиями. Сыновья дьяков, по мнению современных исследователей, несмотря на наличие целого ряда семей, где дьячество было потомственным занятием, выбирали обычно дворянскую службу³⁴. Реконструирована история землевладения отдельных дьяков и дьяческих семей³⁵. Общие закономерности развития дьяческого землевладения по-прежнему исследуются применительно только к XVII столетию³⁶.

В параграфе 2 подробно говорится о специфических чертах источников, использованных в работе. В основе исследования лежат актовые материалы и материалы делопроизводства государственных учреждений исследуемой эпохи. Особое внимание уделено материалам писцового делопроизводства конца XV – первой трети XVII вв. Именно отсюда автором почерпнуто большинство сведений о социальном происхождении, родственных связях, землевладении дьяков и подьячих. Разрядные книги, десятни, Тысячная книга и Дворовая тетрадь, боярские списки, списки детей боярских, «Боярская книга» 1556/57 г., Шереметевский список думных чинов, роспись русского войска 1604 г., родословные книги и росписи, др. документы по вопросам военной и административной организации служилого сословия дали основную информацию

³⁴ Алексеев Ю.Г. У кормила ... С. 180, 203; Бенцианов М.М. Указ. соч. С. 103-104, 114; Рыбалко Н.В. Российская приказная бюрократия в Смутное время. С. 357, 361, 369, 370, 395.

³⁵ Алексеев Ю.Г. Указ. соч. С. 160, 164-165, 182, 201-202, 223-224, 228-229, 234, 248, 258, 261; Граля И. Указ. соч. С. 400-406; Макарий (Веретенников), архим. Государев дьяк Иван Выродков. С. 5; Пономарева И.Г. Великокняжеский дьяк Стефан Никифорович Бородатый. С. 125-126; Рыков Ю.Д. Вклады государева дьяка П.М. Митрофанова в русские монастыри в эпоху царя Ивана Грозного // Русское средневековье: Сборник статей в честь профессора Юрия Георгиевича Алексева. М., 2012. С. 480, 504-524.

³⁶ Шватченко О.А. Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века. М., 1996. С. 49, 50, 52, 58, 59, 64, 65, 76, 77; Рыбалко Н.В. Российская приказная бюрократия в Смутное время. С. 437-439; Лисейцев Д.В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. С. 538-541.

о службе дьяков и подьячих, их детей и родственников, есть здесь данные и о землевладении дьяков и подьячих. Посольские книги содержат в себе ценные данные о службе детей боярских, в числе которых встречаются как сами дьяки до перехода на приказную работу, их родственники и однородцы. Описи архивов различных типов позволяют судить о ныне утраченных документах. Много разнообразной и зачастую уникальной информации, позволяющей решить задачи настоящего диссертационного исследования, содержат в себе государственные и монастырские хозяйственно-финансовые документы: приходно-расходные, записные, хозяйственные, вкладные и кормовые книги. Ряд интересных генеалогических сведений можно обнаружить в синодиках разного типа. Биографические вехи, родственные связи позволяют уточнить памятники средневековой эпиграфики.

Глава II «Дьяки XIV – первой половины XV вв.» посвящена первому этапу в истории дьячества. Здесь разбираются практически все известные просопографические сведения о дьяках и подьячих московских великих и удельных князей и дьяках главы Церкви.

Можно полагать, что в XIV – начале XV в. большинство дьяков были холопами. Традиция, согласно которой управление княжеским хозяйством доверялось, в первую очередь, несвободным слугам, корнями уходит во времена «Русской Правды». Древнерусское право знает несколько источников холопства. Учитывая обязательность для дьяка грамотности и наличия специальных знаний, полагаем, что наиболее вероятно здесь наследственное холопство, что не исключает, естественно, других источников несвободы.

Постепенное превращение дьяков в свободных людей можно заметить с первой четверти XV в., когда в великокняжеской канцелярии отмечаются первые выходцы из духовенства и из служилого сословия. По всей видимости, по мере того как документирование распространилось с имущественной и финансовой сферы непосредственно на административно-управленческую деятельность, дьячество стало сосредотачивать в своих руках заметную власть. В силу этого

канцелярская работа становится занятием достойным свободного человека, перестаёт быть «нечестной» для представителя служилого сословия.

К середине XV в. доля выходцев из рядов служилого сословия в среде великокняжеских и удельных дьяков достигала, по меньшей мере, четверти. К первой половине XV в. относятся первые примеры проникновения в среду детей боярских сыновей дьяков, выходцев из «демократических слоёв населения». Тогда же отмечаются первые случаи наследования дьяческой службы внутри одной семьи.

К первой половине XV в. относятся первые сведения о дьяческом землевладении. Можно предполагать, что дьячество, превратившись из категории несвободных слуг в один из чинов служилого сословия, одновременно влилось в класс служилых землевладельцев. До широкомасштабных поместных раздач эпохи Ивана III дьяки владели в основном вотчинами.

Изначально свободными, надо полагать, были митрополичьи дьяки. Здесь следует учитывать запрет церковным людям на владение холопами; сосредоточение в Церкви грамотных людей; традиционное наличие при храмах, монастырях, епископских кафедрах большого количества светских слуг, не пребывавших ни в сане, ни в монашестве, занимавшихся хозяйственной и связанной с хозяйством административной деятельностью. Из этой среды, предположительно, и могли выйти первые дьяки митрополичьей канцелярии.

Примерно в первой половине XV столетия возникает институт подьячих. Великокняжеская, удельные и митрополичья канцелярии приобретают двухуровневую структуру, традиционную для позднейших этапов развития служилой бюрократии. Причины появления подьячих, по всей видимости, аналогичны причинам появления дьяков. Расширение и усложнения функций государственного аппарата заставили наиболее простые операции по документированию управленческой деятельности – составление и копирование документов – передать специальным помощникам дьяков – подьячим. Происхождение подьячих первой половины XV в. с трудом поддаётся определению по причине скудости источников. Среди подьячих великого князя

так же, как и среди дьяков, встречаются выходцы из среды детей боярских. Однако, по всей видимости, прослойка эта на нижнем этаже великокняжеской канцелярии была существенно (примерно в полтора раза) меньше. Большинство подьячих, судя по всему, были выходцами из «демократических слоёв» населения.

Новый этап в эволюции происхождения дьяков начинается примерно с середины XV в. Этому вопросу посвящена глава III «Дьяки и подьячие второй половины XV – начала XVI в.» В параграфе 1 проанализированы биографические сведения о 61 великокняжеском дьяке, разобраны их происхождение, брачно-семейные связи, карьеры их сыновей, землевладение. При анализе происхождения выделяются три группы: выходцы из среды детей боярских, сыновья дьяков и подьячих, выходцы из «демократических» слоёв населения. Наиболее просто вычлняются выходцы из среды детей боярских. Здесь материал разбит на подгруппы, по степени обоснованности выводов. Во-первых, это дьяки, чьи отцы были детьми боярскими, т.е. упоминаются в источниках с эпитетом «сын боярский» или известны выполнением служебных поручений, характерных, в первую очередь, для детей боярских; или их имена есть в документах, где упоминаются только дети боярские. Во-вторых, учитываем тех дьяков, на дворянское происхождение которых есть прямые указания (например, родословных росписей). В-третьих, есть сведения о службе будущих дьяков в детях боярских до перехода на канцелярскую работу. В-четвёртых, если близкий родственник (дядя, брат, племянник и т.д.) дьяка сын боярский, то и сам дьяк относится к той же социальной группе. В-пятых, используем данные антропониимики. Если дьяк принадлежал к редкой фамилии, носители которой служили только в детях боярских, то и сам дьяк, скорее всего, вышел из того же рода. Если данные антропониимики подкреплены их привязкой к географическому региону, где дьяк имел родственные или поземельные связи, то сомневаться в верности вывода практически не приходится. На основании данных о службе делим фамилии детей боярских на связанные и не связанные с Государевым двором.

Потомственных приказных, сыновей дьяков и выходцев из «демократических» слоёв населения вычленим, применяя те же исследовательские приёмы. При этом остаются дьяки, чьё происхождение определению не поддаётся. В основном это те, чья фамилия либо не установлена, либо относится к числу распространённых во всех слоях населения. Полагаем, что большинство из них суть выходцы из «демократических» слоёв населения: слуг под дворскими, белого духовенства, холопов, представителей городских торговых-ремесленных кругов. Безвестность и безродность – признаки, в первую очередь, представителя социальных низов.

При анализе родственных связей опираемся преимущественно на прямые указания источников, данные о наследовании имущества, данные антропоники. В диссертации реконструируются биографии тех персонажей, которые состояли в родстве с дьяками. Анализ данных об их землевладении и службе позволяет предполагать мотивы заключения браков. Особое внимание уделяется сыновьям дьяков. Там, где это позволяют сделать данные источников, оцениваем социальный ранг и вес исследуемых лиц.

Выявление характерных черт землевладения дьяков начинается с реконструкции истории отдельных земельных владений. Полученные данные группируем по следующим признакам: форма собственности, размеры, способ приобретения, география. Для ответа на вопрос о степени распространения земельных владений среди дьяков сведения об имениях сравниваются с информацией о службе представителей приказной бюрократии. Величину имений оцениваем, опираясь на положения Уложения о службе 1555 г. Земельные владения размером в 100-200 четвертей доброй земли расцениваются как средние, менее 100 четвертей как мелкие, более 200 – как крупные. Для ответа на вопрос о зависимости размеров землевладения от чина и социального происхождения прибегаем к аналитической группировке.

В параграфе 2 рассмотрены происхождение, родственные связи, карьера сыновей и землевладение 74 великокняжеских подьячих. При этом были дополнены и уточнены данные известных справочников С.Б. Веселовского и Ю.Г.

Алексеева. Данные о происхождении подьячих сравниваются с данными о динамике их приказной карьеры. Отвечая на вопрос о зависимости динамики карьеры дьяческих сыновей от происхождения и карьерных успехов отцов, используем метод аналитической группировки. Там, где это позволяют данные источников, земельное обеспечение дьяков и подьячих сравнивается с земельным обеспечением основной массы служилых людей по отечеству. **Параграф 3** посвящен 32 дьякам и 7 подьячим, служившим удельным князьям. Материал о происхождении дьяков и подьячих удельных канцелярий распределён по рубрикам соответственно удельным дворам. **Параграф 4** повествует от 9 дьяках и 4 подьячих митрополитов Филиппа, Геронтия, Зосимы и Симона. Методы установления происхождения, родственных связей, выявления динамики карьеры сыновей и особенностей землевладения аналогичны методам, использованным применительно к великокняжеским дьякам. Единство методологии позволяет получить сравнимые данные для выявления особенностей формирования корпуса дьяков и подьячих в структуре великокняжеского двора, дворов удельных князей и двора митрополитов московских. Наличие сравнимых данных позволяет проследить эволюцию изучаемых явлений.

Во второй половине XV – начале XVI вв. почти 40 % великокняжеских дьяков были выходцами из среды детей боярских. Это минимальная величина. В реальности доля дьяков «благородного» происхождения могла приближаться к половине. Большая часть из них вышла из толщи служилого города. Те дьяческие отцы, что служили в дворовых детях боярских, относились к рядовым членам Государева двора. К выходцам из служилого сословия относятся и потомственные приказные, сыновья дьяков и подьячих. Эта прослойка в дьячестве была пока очень невелика.

В сравнении со второй четвертью – серединой XV столетия доля выходцев из служилого сословия в структуре великокняжеских дьяков демонстрирует рост. Это, в первую очередь, следствие расширения нашей источниковой базы. Параллельно уменьшается доля дьяков, чьё происхождение не установлено. В то же время нельзя исключать и другого вывода. Сегмент дьяков, выходцев из среды

детей боярских, мог реально вырасти во второй половине XV – начале XVI вв. Интенсификация при Иване III процесса объединения земель вокруг Москвы; как следствие, рост численности детей боярских великого князя (в том числе за счёт дворов, ликвидируемых великих и удельных княжений); усложнение задач, стоявших перед государственным управлением, порождали потребность в расширении штата канцелярских деятелей и предоставляли достаточно потенциальных кадров для этого из среды служилого сословия.

В уделах более или менее точно установленные выходцы из детей боярских составляют чуть более 20 %. Реальная величина этой прослойки, по всей видимости, составляла около четверти. В целом, надо полагать, социальное происхождение удельных дьяков принципиально не отличалось от аналогичного у дьяков великокняжеских. Различия в абсолютных величинах, скорее всего, следствие особенностей источниковой базы. История удельных дворов второй половины XV – начала XVI вв. хуже документирована. Объективными факторами, по нашему мнению, обусловлено лишь отсутствие в удельных канцеляриях потомственных дьяков. Причиной тому кратковременность существования большинства удельных дворов. Поколения канцелярских деятелей просто не успевали меняться.

Большая часть великокняжеских и удельных дьяков вышла, по всей видимости, из «демократических» слоёв населения. Достоверно установлены факты происхождения дьяков из холопов и дворцовых слуг (посельских и дворских). Не выявлено выходцев из среды детей боярских в составе митрополичьих дьяков.

Подьячих порождала та же социальная среда, что и дьяков. Однако подьячие были в целом «худороднее» дьяков и ближе к «простому всенародству» (если следовать терминологии кн. А.М. Курбского). В среде великокняжеских подьячих прослойка выходцев из детей боярских была существенно тоньше, чем в среде дьяков: не более одной пятой. При этом преобладание провинциальной служилой мелкоты, городских детей боярских здесь более ярко выражено. Доля достоверно выявленных выходцев из «демократических слоёв» населения в среде подьячих

больше, чем в среде дьяков. В основном это одни и те же лица: посадские, духовенство, дворцовые слуги. Полагаем, что «благородное» происхождение, «доброе отечество» было одним из факторов, способствовавших карьерному росту подьячих, пожалованию их в дьяки.

Брачно-семейные связи великокняжеских и удельных дьяков, прежде всего, являются индикатором их социального статуса. Они завязывались «по горизонтали», внутри той социальной среды, которая порождала дьячество. Браки заключались, в первую очередь, с семьями сослуживцев и соседей по землевладению.

Сыновья великокняжеских и удельных дьяков и подьячих чаще всего пополняли ряды детей боярских, но приказная работа тоже была довольно популярной. На дворянской службе сыновья дьяков и подьячих не поднимались выше рядового состава Государева двора. В то время приказная работа была каналом, по которому выходцы из «демократических слоёв» населения попадали в ряды детей боярских.

Будучи представителями служилого сословия, дьяки и подьячие жаловались поместьями. К поместьям присовокупляли родовые и приобретённые вотчины. В основной массе своей дьяки, по всей видимости, были людьми состоятельными. Некоторым представителям дьячества удавалось собирать земельные владения по своему размеру сравнимые с боярскими. Подьячие, напротив, были скорее мелкими и средними землевладельцами, гораздо менее обеспеченными, чем дьяки. Земельные владения подьячих соответствовали земельным владениям городских детей боярских. Можно предполагать, что какая-то часть подьячих вообще не имела земельной ренты в структуре своих доходов.

Географически землевладение дьяков и подьячих тяготеет к местам их службы. Применительно к великокняжеским дьякам и подьячим это Московский и прилегающие к нему уезды, а также, по всей видимости, города с учреждениями, подобными позднейшим приказным избам (Новгород). Землевладение удельных дьяков и подьячих располагалось в основном в уездах удельных центров.

Глава IV «Дьяки и подьячие первой трети XVI в.» имеет ту же структуру, что и предыдущая. **Параграф 1** посвящен 88 великокняжеским дьякам, их происхождению, родственным связям, землевладению и карьере сыновей. В исследованный период в составе дьяков появляются выходцы из купеческой среды. Купечество не относилось к служилому сословию. В то же время его богатство и влияние не позволяют отнести выходцев из данной социальной группы к выходцам из «демократических» слоёв населения. Выделяем их в самостоятельную группу.

Применительно к первой трети XVI в. в нашем распоряжении больше фактов, характеризующих родственные связи великокняжеских дьяков. Поэтому мы сочли возможным разделить анализируемый материал на две группы. Одни браки характеризуют исходный социальный статус дьяков, ту социальную среду, которая их породила. Это браки самих дьяков, их братьев и сестёр. Эти союзы, как правило, заключались тогда, когда будущие приказные деятели были весьма молодыми людьми, и все их карьерные успехи были ещё впереди. Сюда же следует отнести браки представителей старших поколений исследуемых фамилий. Браки сыновей и дочерей дьяков являются несколько иным показателем. Канцелярские деятели устраивали судьбы своих детей, будучи уже состоявшимися людьми. Союзы этого типа характеризуют достигнутый социальный статус, отражают тот социальный вес, который дьяки набрали в ходе своей службы.

В пункте, посвященном землевладению великокняжеских дьяков, кроме данных о формах собственности, размерах, способах приобретения и географии, методом аналитической группировки проанализировано соотношение между поуездным распределением вотчин и поместий, с одной стороны, и принадлежностью дьяческих фамилий к территориальным корпорациям детей боярских, с другой стороны.

В **параграфе 2** рассмотрены просопографические сведения о 103 великокняжеских подьячих. Происхождение, родственные связи, карьера сыновей, землевладение подьячих Василия III сравниваются с аналогичными, во-первых,

для великокняжеских дьяков, а, во-вторых, для подьячих второй половины XV – начала XVI вв. Сравнительный анализ позволяет выяснить особенности происхождения подьячих и получения ими земельных владений, понять динамику развития их родственных связей и карьеры их сыновей.

В параграфе 3 проанализированы биографические сведения о 26 дьяках и 12 подьячих удельных князей Федора Борисовича Волоцкого, Юрия Ивановича Дмитровского, Дмитрия Ивановича Угличского, Семена Ивановича Калужского и Андрея Ивановича Старицкого. Происхождение, родственные связи и землевладение удельных дьяков сравнивается с происхождением дьяков великокняжеских, с одной стороны, и удельных подьячих, с другой. В параграфе 4 прослеживается происхождение 10 дьяков и 3 подьячих митрополитов Симона, Варлаама и Даниила.

В первой трети XVI столетия структура социального происхождения великокняжеских и удельных дьяков оставалась, в целом, той же, что и ранее, во второй половине XV – начале XVI вв. По меньшей мере, 42-46% великокняжеских и удельных дьяков были выходцами из среды детей боярских. Это опять же минимальная величина. Реальная доля выходцев из класса служилых землевладельцев в структуре дьячества могла достигать половины, а может быть, и чуть более половины. Полагаем, что в структуре дьячества выходцы из детей боярских на протяжении второй половины XV – первой трети XVI вв. постепенно теснят выходцев из «демократических» слоёв населения.

Тон в этой группе задавали выходцы из провинциальных служилых фамилий средней руки. Применительно к великокняжеским дьякам, это, по всей видимости, семьи, преимущественно, из «замосковских» городов. В уделах, это фамилии, традиционно связанные со службой удельным владетелям. Продолжает своё развитие тенденция к формированию небольшого, но устойчивого слоя потомственных приказных, дьяков, чьи отцы сами служили в дьяках. Потомственные приказные отмечаются и в удельных канцеляриях.

В первой трети XVI в. существенные перемены наблюдаются в социальном происхождении дьяков митрополичьей канцелярии. Во-первых, в исследуемой

группе появляются выходцы из дворянской среды. Тон здесь задают потомственные митрополичьи слуги, рядовые дети боярские, которые по социальному весу сравнимы с городскими детьми боярскими великого князя. Во-вторых, мы не наблюдаем среди митрополичьих дьяков потомственных приказных. В сравнении с дьяками великого князя и удельными дьяками первой трети XVI в. митрополичьи дьяки демонстрируют более «демократический» состав. Митрополичьи подьячие, по всей видимости, в основной массе были выходцами из «демократических» слоёв населения.

Подьячие великого князя в первой трети XVI в. сохраняют особенности своего происхождения, выявленные применительно к эпохе Ивана III. Прослойка выходцев из среды детей боярских остаётся стабильной. Остаются неизменными её основные характерные черты, в частности, большая «худородность» в сравнении с теми семьями дворян и детей боярских, чьи представители стали дьяками. Растёт, по нашим данным, прослойка потомственных приказных. Рост этот, по всей видимости, происходит за счёт выходцев из «демократических» слоёв населения. Причина различий в структуре социального происхождения между дьяками и подьячими, по нашему мнению, состояла во влиянии фактора «отечества» на динамику любой службы, в том числе и приказной. Полагаем, что при пожаловании из подьячих в дьяки профессионализм был не единственным критерием. В конце концов, после многолетней работы этот показатель у всех подьячих с примерно одинаковым стажем был примерно одинаковым. В итоге важное значение приобретало «благородное» происхождение. Особенно учитывая то обстоятельство, что дьячество было путём не только к власти и богатству, но и к закреплению новых служилых фамилий в рядах детей боярских.

Анализ брачно-семейных связей в целом подтверждает сделанные нами выше выводы о происхождении великокняжеских и удельных дьяков и позволяет сделать заключение о постепенном росте социального веса дьячества.

Сыновья великокняжеских дьяков и подьячих, удельных дьяков вне зависимости от происхождения своих отцов выбирали преимущественно дворянскую службу. Приказная работа была менее популярной. Выбор

жизненного пути, по всей видимости, по-прежнему определялся сочетанием двух факторов.

Во-первых, конечно, «отечеством». Дьяческие и подьяческие сыновья, чьи отцы вышли из дворянских семей, выбирали обычно дворянскую службу, а те, чьи предки были «из простого всенародства» попадали в среду детей боярских, в целом, значительно реже. В сравнении с сыновьями дьяков более «худородные» подьяческие сыновья реже попадали на дворянскую службу и чаще шли по приказной стезе.

Другим фактором, который влиял на выбор сыновьями приказных деятелей жизненного пути, был фактор служебный. При равенстве происхождения сыновья подьячих, дослужившихся до дьячества, попадали в состав детей боярских чаще, чем сыновья «вечных» подьячих. Применительно к приказной работе нами установлена обратная зависимость.

«Отечество» влияло и на динамику карьеры, притом не столько на дворянской службе, сколько на приказной работе, где, казалось бы, профессионализм должен был быть главным критерием карьерного роста. Дети дьяков, вышедших из дворянских семей, избравшие приказную карьеру, как правило, достигали дьячества. Все подьяческие сыновья, чьи предки были детьми боярскими, достигли дьячества. Сыновья потомственных приказных и тех подьячих, что вышли «из простого всенародства», так и остались подьячими.

Землевладение дьяков и подьячих Василия III, также удельных владетелей этого периода, сохраняет особенности, сформировавшиеся ранее, во второй половине XV – начале XVI вв.

Глава V «Дьяки и подьячие Ивана Грозного» содержит анализ просопографических сведений о дьяках и подьячих царя и великого князя, удельных князей, митрополита московского, упоминающихся на службе с 1533 по 1584 гг. В **параграфе 1** рассмотрены биографические сведения о 338 дьяках царя и великого князя, определены их происхождение, выявлены родственные связи, прослежена карьера их сыновей. Последняя часть параграфа посвящена землевладению дьяков царя и великого князя. Существенное увеличение объёма

источников сравнительно с предшествовавшими эпохами позволило поставить вопрос о полноте наших сведений о персональном составе дьяческого корпуса. Опираясь на данные разрядных документов различных видов и сравнив результаты наших подсчетов с численностью дьяков второй четверти XVII столетия, заключаем, что корпус дьяков Ивана IV, по всей видимости, реконструирован нами практически полностью. Для того чтобы проследить эволюцию социального происхождения дьяков исследованной эпохи, итоговый материал разбит на группы, согласно традиционной периодизации царствования Ивана Грозного: дьяки периода «боярского правления» (1534-1548 гг.), дьяки периода реформ 50-х гг. XVI в. (1549-1559 гг.), дьяки предопричного периода (1560-1564 гг.), дьяки периода опричнины (1565-1572 гг.), дьяки последнего этапа царствования Ивана IV (1573-1584 гг.). Выявлены особенности социального происхождения дьяков каждого временного отрезка, полученные результаты сравниваются между собой, с происхождением дьяков конца правления Василия III (1526-1533 гг.) и данными о происхождении дьяков XVII в., полученными Н.Ф. Демидовой и Н.В. Рыбалко. Внутри каждой группы выделяем подгруппу дьяков, впервые упоминающихся с дьяческим чином в избранный период. Выявляем особенности социального происхождения дьяков каждой из подгрупп и полученные результаты сравниваем между собой. Естественно, что первое упоминание с чином не эквивалентно времени пожалования чином, но, вне всякого сомнения, между этими двумя датами не может не быть корреляции. Одновременно сравниваем особенности происхождения опричных и земских дьяков.

В параграфе 2 исследованы происхождение, родственные связи, карьера сыновей и землевладение 560 подьячих царя и великого князя. Используя те же источники и методы их анализа, что и по отношению к дьякам, полагаем, что корпус подьячих Ивана Грозного может быть реконструирован далеко не полностью. Сравнение наших данных с данными XVII столетия, учитывая, естественно, тенденцию подьяческого аппарата к росту, позволяет предположить, что какой-либо след в источниках оставили примерно 15 % всех подьячих.

Параграф 3 посвящен 10 дьякам и 4 подьячим кн. Владимира Андреевича и кн. Юрия Васильевича; 13 дьякам и 4 подьячим митрополитов Даниила, Иоасафа, Макария, Афанасия, Филиппа, Кирилла, Антония и Дионисия.

Применительно к социальному происхождению дьяков царя и великого князя, главное явление эпохи Ивана Грозного: обозначение тенденции к снижению в структуре дьячества доли выходцев из дворян и детей боярских. По всей видимости, это не было следствием какой-то сознательной политики. На протяжении пяти десятилетий царствования Ивана IV происходило, по нашим наблюдениям, постепенное вымывание из дьяческой среды выходцев из дворян и детей боярских. Это начало процесса, результаты которого отмечаются исследователями происхождения дьяков XVII столетия, когда выходцы из «демократических» слоёв населения, безусловно, доминируют среди дьяков царя и великого князя.

Полагаем, что этот процесс был связан, во-первых, с ростом государственного аппарата и усложнением его функций, наблюдавшимся с середины XVI в. Параллельно происходило увеличение численности служащих этого аппарата, прежде всего, за счёт лиц неизвестного, «темного» происхождения. Во-вторых, по всей видимости, сыграли свою роль социальные процессы, происходившие внутри класса служилых землевладельцев. Реформа Государева Двора, опричнина открыли для рядовых детей боярских новые возможности социального роста. Значение дьяческой службы как «социального лифта» снижается.

Перемены происходят и в структуре удельных дьяческих канцелярий. Если ранее они были большей частью выходцами из удельных же детей боярских, то при Иване IV эти учреждения формируются из дьяков и подьячих царя и великого князя, переводимых в удел. Для подьячих это был перевод с повышением. Интересно, что среди удельных дьяков и подьячих выходцев из дворян и детей боярских было практически вдвое меньше. Складывается впечатление, что царская власть старалась не просто сформировать удельный приказной аппарат из своих верных людей, но и наполнить удельные канцелярии преимущественно

элементами социально чуждыми местному удельному дворянству, выскочками без «отечества».

В отличие от удельного приказного аппарата канцелярия главы Церкви в исследуемый период сохраняет свою кадровую автономию. По меньшей мере, половина митрополичьих дьяков суть выходцы из дворян и детей боярских. При этом большая часть из них происходила из семей, традиционно служивших митрополиту Московскому (или кому-либо из архиереев).

Родственные связи дьяков царя и великого князя так же, как и в предшествующую эпоху, определяются, в первую очередь, их происхождением, «отечеством». В то же время в эпоху Ивана Грозного наблюдается новое явление, ранее не отмечавшееся: установление родства и свойства дьяческих семей с семьями аристократическими (Голицыны, Жулебины, Оболенские, Пронские, Ромодановские, Хворостинины, Чулковы, Яковлевы) и теми семьями, чьи представители входили в верхний эшелон Государева Двора (Годуновы, кнн. Долгоруковы, кнн. Ноготковы, Салтыковы). Полагаем, что это отражает рост социального веса дьяков, бывший, в свою очередь, следствием роста политического влияния служилой бюрократии.

Карьерные успехи дьяческих сыновей в исследованный период в целом оставались неизменными. Дворянская служба по-прежнему расценивалась как наиболее предпочтительный вариант карьеры. В то же время существенно, по сравнению со второй половиной XV – первой третью XVI вв., снижается популярность приказной работы. Видимо, на материалах двух последних четвертей XVI в. основано заключение Н.П. Лихачева о том, что дьяческие сыновья неохотно шли по стопам отцов. Полагаем, что причины здесь те же, что обусловили снижение в структуре дьяков доли выходцев из среды дворян и детей боярских: преобразования в структуре и персональном составе Государева Двора в период реформ 1550-х гг. и опричнины открыли перед дьяческими сыновьями перспективы социального роста, не связанные с многолетней приказной работой. С этим предположением согласуется ещё одна особенность службы дьяческих сыновей в эпоху Ивана Грозного: повышается её карьерный потолок. Во второй

половине XV – первой трети XVI вв. сыновья дьяков не поднимались выше рядового состава Государева Двора. В эпоху Ивана Грозного они достигают даже думных чинов. Фактором, который мог влиять на карьерные успехи дьяческих сыновей, мог быть рост в исследуемый период социального веса и политического влияния дьячества.

Происхождение подьячих царя и великого князя сохраняет те же особенности, которые были выявлены нами применительно к XV – первой трети XVI вв. Это меньшая в сравнении с дьяками доля выходцев из дворян и детей боярских. В числе последних меньший процент фамилий, связанных с Государевым Двором, и больший тех, что относились к служилому городу. На протяжении второй половины XV – XVI вв. (до 1584 г.) мы констатировали неуклонное снижение в дворянской составляющей подьячих выходцев из Государева Двора. Анализ брачно-семейных связей подьяческих фамилий подтверждает этот вывод: подьячие реже, чем дьяки, рождались с дворянскими семьями и чаще с недворянскими и неизвестного происхождения фамилиями. Среди родственников подьячих, принадлежавших к дворянам и детям боярским, не выявлено персонажей, связанных с Государевым Двором.

Сравнение по происхождению подьячих, ставших дьяками, с подьячими, до дьячества так и не дослужившимися, показывает больший процент в среде первых выходцев из дворянской среды и их несколько более высокую «честность» (большую долю выходцев из Государева Двора). Можно заключить, что у сына боярского было больше возможностей сделать карьеру в приказной среде. Большой процент в первой группе (подьячие, ставшие дьяками) выходцев из среды дьяков и подьячих говорит о том, что наличие родственных связей в бюрократической среде также способствовало служебному росту. Похоже, что при пожаловании подьячих в дьяки принцип отечества учитывался так же, как и везде в служилой среде. То же явление прослеживается при анализе брачно-семейных связей: в среде родственников «вечных» подьячих выходцев из дворян и детей боярских меньше, а представителей недворянских и неясного

происхождения семей, напротив, больше, чем в среде родственников подьячих, ставших дьяками.

Сыновья подьячих так же, как и ранее, во второй половине XV – первой трети XVI вв., шли, прежде всего, на дворянскую службу. Главным фактором здесь, на наш взгляд, было «отечество». Влияние это проявлялось в двух формах. Во-первых, социальное происхождение подьяческих отцов, во-вторых, их служебные успехи. Для тех подьяческих сыновей, чьи деды были детьми боярскими, выбор дворянской службы был естественным. Те подьяческие сыновья, чьи предки вышли из «третьего сословия», стремились на дворянскую службу, по всей видимости, ещё активнее. Дьяки и подьячие, безусловно, входили в состав служилого сословия, но лишь в силу занимаемой должности, лично, без права передачи статуса по наследству. Дворянская же служба вводила подьяческих сыновей в среду «служилых людей по отечеству». Этот статус уже передавался наследникам по факту их рождения. Другое дело, что по мере сословной консолидации дворянства государство всё менее приветствовало проникновение в среду детей боярских тех, кто не принадлежал к их числу в силу социального происхождения.

На выбор подьяческими сыновьями канцелярской работы социальное происхождение либо не влияло совсем, либо влияло слабо. Зато чётко прослеживается фактор служебный. Сыновья подьячих, ставших дьяками, на дворянской службе оказывались чаще, а на приказной – реже. В группе сыновей «вечных» подьячих соотношение между этими двумя видами службы обратное.

Складывается впечатление, что служба в подьячих, если она оказалась венцом карьеры, снижала возможности потомков подьячего стать сыном боярским и, таким образом, закрепиться в рядах служилого сословия. В этом случае сын подьячего предпочитал пойти по стопам отца.

«Отечество», по нашим наблюдениям, влияло и на динамику карьеры подьяческих сыновей. Происхождение отца из дворян и детей боярских помогало сыну попасть в состав Государева Двора, а если он избрал приказную карьеру –

достичь дьячества. Аналогичные возможности открывало перед подьяческим сыном и пожалование отца в дьяки.

Анализ подьяческого землевладения эпохи Ивана Грозного позволил нам предположить, что, обладая, как и все служилые люди, правом на поместье и имея возможности для приобретения вотчин, часть подьячих оставалась безземельной. Это предположение в какой-то мере может быть подтверждено данными о реалиях XVII столетия, когда землевладельцами была меньшая часть подьячих.

В **Заключении** представлены основные выводы исследования. Как доказывается в диссертации, со второй трети XIV до конца XVI вв. дьячество как социальная группа прошло три этапа в своём развитии. Первый этап - XIV-е - первая четверть XV столетий. В этот период дьяки великокняжеской канцелярии рекрутировались в основном из числа несвободных слуг с некоторыми небольшими вкраплениями представителей других непривилегированных социальных групп.

Второй этап можно проследить примерно со второй четверти XV в. Он продолжается вплоть до начала эпохи Ивана Грозного. Во второй четверти XV – первой трети XVI в. главными фигурами в среде великокняжеских дьяков становятся выходцы из среды дворян и детей боярских. По нашим наблюдениям можно сделать вывод, что доля этой прослойки на протяжении исследуемого периода была не одинаковой, но постоянно демонстрировала тенденцию к росту. Из числа детей боярских в дьяки шли, прежде всего, представители фамилий средней руки. По своему социальному весу они соответствовали городovým (чаще) или (что реже) рядовым детям боярским Государева Двора. Территориально дворянская составляющая дьячества была представлена в основном детьми боярскими Московского уезда, а также уездов близ столицы и к северо-востоку от неё.

Доля дьяков из недворян продолжала оставаться значительной на протяжении всего исследованного периода. Это выходцы из среды дворцовых слуг, слуг под дворскими, холопов, из рядов духовенства и посадских. Соотношение между двумя основными составляющими дьячества во второй половине XV – начале XVI вв. было примерно равным. В первой трети XVI в.

доля выходцев из дворян выросла примерно до 50%, а процент недворян снизился примерно до 40%.

Третья составляющая дьячества – это потомственные приказные, сыновья дьяков и подьячих. Они появляются примерно во второй половине XV столетия. Их доля была относительно невелика, ок. 10%. В то же время процент потомственных приказных постоянно увеличивался на протяжении всего периода.

Полувековое царствование Ивана Грозного составило новый, третий этап в истории дьяков как социальной группы в структуре формирующегося служилого сословия. Основа социальной среды, питавшей приказную бюрократию, оставалась неизменной. В то же время, на этом этапе, постепенно меняется соотношение между двумя составными элементами социальной среды, порождавшей дьячество. Доля дьяков, выходцев из дворян и детей боярских, снижается. Мы наблюдаем начало процесса, который продолжился в XVII столетии. К середине «бунташного» века дьяки в основной своей массе происходят из потомственных приказных и поповских детей. Дворянство в социальной среде, питавшей дьячество, отходит на третий план.

Полагаем, что нам удалось разрешить старый спор, тянувшийся в историографии ещё со времён Н.П. Лихачёва и Н.Н. Оглоблина. Дьячество второй половины XV – XVI вв. не было в основном дворянской по происхождению прослойкой служилого сословия и не представляло собой собрания сплошь выходцев из народа, посадских, духовенства и др. В среде дьяков присутствовали и те и другие, причём соотношение между ними не было неизменным.

В исследуемый период не прослеживается существования характерной для XVII в. традиции обязательной для дьяков предварительной службы в подьячих. Полагаем, что великокняжеские подьячие по своему происхождению были родственны, но не тождественны дьякам. Доля выходцев из детей боярских была среди подьячих приблизительно в 1,5-3 раза (в зависимости от эпохи) меньше, чем среди дьяков. Доля тех, кто происходил из «демократических» слоёв населения, соответственно выше. Если среди дьяков дворянская составляющая постоянно растёт на протяжении целого столетия, то среди подьячих доля

выходцев из детей боярских в тот же период остаётся стабильной. Среди подьячих примерно в 2,5-2 раза меньше процент потомственных приказных, но этот показатель демонстрирует тенденцию к росту. Сравнение брачно-семейных связей также указывает на более «демократичное» происхождение подьячих.

Во второй половине XV – первой трети XVI вв. в дьяки попадало не более 2/10 от общего числа подьячих, при Иване Грозном - чуть более 1/10. По нашим наблюдениям, в первую очередь это были выходцы из дворян и потомственные приказные. Для выходца из демократических слоёв населения вероятность стать дьяком была примерно в 1,5-2,5 раза меньше. На канцелярской работе так же, как и вообще на государственной службе, «отечество» было основополагающим критерием при подборе и расстановке кадров. Другим важным, но не единственным фактором, естественно, был уровень профессионализма.

Сближаясь с детьми боярскими по социальному происхождению и сословному статусу, дьяки и подьячие одновременно вливались в ряды феодалов-землевладельцев. Процесс этот прослеживается, начиная примерно со второй четверти XV в. По всей видимости, к началу XVI столетия землевладение становится неотъемлемым атрибутом дьяческого чина. Представители служилой бюрократии владели как вотчинами, так и поместьями. Поместье предоставлялось им по факту службы, вотчины приобретались по наследству, покупались, получались в приданое. Полагаем, что дьяки в большинстве своём были людьми обеспеченными. Особенно рост размеров дьяческого землевладения становится заметен в эпоху Ивана Грозного. В этот период среди представителей служилой бюрократии появляются фигуры, чьи земельные богатства не уступают владениям аристократов. В основном это наиболее влиятельные «приказные воротилы», главы ключевых ведомств.

Нами проведён комплексный анализ землевладения подьячих Ивана Грозного. По нашим наблюдениям, землевладению подьячих присущи, в целом, те же характерные черты, что и землевладению дьяков. Однако уровень земельного обеспечения подьячих был ниже примерно в полтора – два раза, чем соответствующий показатель в среде дьяков. Какая-то часть подьячих, по всей

видимости, совсем не имела земельных владений. Анализ данных сохранившегося корпуса материалов писцового делопроизводства показывает, что в первую очередь такое явление могло иметь место среди подьячих, служивших в Москве.

Родственные связи дьяков и подьячих великого князя, с одной стороны, являются показателем той социальной среды, которая их породила, с другой стороны, характеризуют социальный вес служилой бюрократии, её значение в структуре служилого сословия. Связи эти выстраивались, главным образом, «по горизонтали». Определяющим фактором здесь является «отечество». Дьяческие и подьяческие семьи, по нашим наблюдениям, рождались, в основном, с равными себе по статусу фамилиями. Если дьяк или подьячий был выходцем из детей боярских, то и его жена, невестка, зять, другие родственники были из дворянских семей, чьи представители служили, либо с городом, либо в рядовом составе Государева Двора. Предпочтение отдавалось соседям по имению или сослуживцам. Реже дьяческие семьи рождались между собой.

Эпоха Ивана Грозного была временем небывалого увеличения политического веса дьяков. Показатель этого явления брачно-семейные связи дьяков. В 40-е – 80-е гг. XVI в. дьяки впервые в своей истории начинают завязывать родственные связи с аристократическими фамилиями.

В среде дьяков и подьячих не прослеживается тенденций к превращению их в особую прослойку в структуре служилого сословия, подобную французскому «дворянству мантии». Во второй половине XV – первой трети XVI вв. приказную работу выбирало не более 20-25% дьяческих сыновей. В эпоху Ивана Грозного по стопам отцов шли не более 1/10 всех дьяческих сыновей. Дьяческая служба наследовалась в двух, самое большее в трех поколениях.

Сыновья дьяков и подьячих в основной массе своей шли на дворянскую службу. Полагаем, что главным фактором, который определял выбор жизненного пути, было «отечество». Те, чьи деды были детьми боярскими, возвращались к прародительским занятиям. Те, чьи предки вышли из «демократических слоёв населения», стремились закрепиться в среде дворянства. Дворянская служба

вводила дьяческих и подьяческих сыновей в среду «служилых людей по отечеству».

«Отечество», по всей видимости, оказывало влияние и на динамику карьеры. В том числе и на приказной работе. Согласно данным источников, сыновья дьяков, вышедших из дворянских фамилий, чаще достигали дьячества, чем те, кто был из семей, имевших корни в недворянской среде. Для выходцев из «демократических слоёв населения» дьяческая служба играла роль социального лифта. Внуки холопов, слуг под дворскими, благодаря службе отцов в дьяках, пополняли ряды детей боярских.

Карьерные успехи дьяческих сыновей – показатель политического веса приказной бюрократии. Так, в эпоху Ивана Грозного сыновья дьяков не только чаще, чем ранее (при Василии III и Иване III), попадают в состав Государева двора, но и достигают думных чинов, что во второй половине XV – первой трети XVI вв. было совершенно исключено.

Судя по данным имеющихся источников, для сыновей подьячих дворянская служба также была наиболее типичным вариантом карьеры. Однако доля тех из них, кто пополнял ряды детей боярских, была меньше, чем аналогичный показатель в среде дьяческих сыновей. Отношение подьяческих сыновей к приказной работе было не столь однозначным. Полагаем, что во второй половине XV – начале XVI вв. служить в канцелярии шло не более 20-25% подьяческих сыновей. В первой трети XVI в. этот показатель существенно вырос: до 30-40% в зависимости от происхождения семьи подьяческого сына. В 1533-1584 гг. по отцовским стопам следовало менее четверти всех дьяческих сыновей. По всей видимости, факт службы отца в подьячих, если он так и не достиг дьячества, был фактором, который тормозил карьеру и на дворянской и на приказной службе. Согласно нашим наблюдениям, сыновья подьячих реже, чем сыновья дьяков, попадали в состав Государева Двора. На канцелярской работе сыновья тех подьячих, что так и остались в своём чине, реже дослуживались до дьячества, чем сыновья тех, кто был пожалован из подьячества в дьяки.

Проанализировав те немногочисленные источники, которые позволяют судить о деятельности удельных канцелярий, мы пришли к выводу, что происхождение и брачно-семейные связи дьяков и подьячих удельных князей в общем и целом аналогичны происхождению и брачно-семейным связям дьяков и подьячих великого князя. В уделах так же, как и в столице, дьяки первоначально рекрутировались из числа несвободных слуг. Также со второй четверти XV столетия в среду дьяков начинают активно проникать выходцы из семей провинциальных детей боярских средней руки, значительная часть которых служила в составе удельных дворов. Но если в Москве прослойка выходцев из дворянской среды в структуре дьячества существенно растёт уже со второй половины XV в., то в уделах результаты аналогичного процесса начинают, по наблюдениям над материалами источников, ощущаться только в первой трети XVI в. Вплоть до эпохи Василия III среди удельных дьяков преобладают выходцы из «демократических» слоёв населения. Так же, как и в столице, в уделах происхождение подьячих более «демократично», чем происхождение дьяков. В уделах, по всей видимости, полностью или почти полностью отсутствовало движение между двумя этажами местных канцелярий. Ни одного случая пожалования удельного подьячего в дьяки нам обнаружить не удалось.

В удельных канцеляриях фактически не было потомственных приказных. Этому, по всей видимости, способствовала относительная кратковременность существования уделов XV – первой трети XVI вв. и, как следствие, практически полное отсутствие удельных династий. Тот же фактор влиял и на карьерные успехи сыновей удельных дьяков. Большая часть из них пополняла ряды Государева Двора. Приказная служба была здесь скорее исключением.

В последние две трети XVI в. история удельных дьяческих канцелярий завершается вместе с исчезновением удельной системы. В системе формирования удельных канцелярий в исследуемый период появляются новые черты. В XV – первой трети XVI вв. переходы дьяков с великокняжеской службы в удел или, наоборот, из удела в столицу были скорее исключением, чем правилом. В эпоху Ивана Грозного и старицкая (дмитровская), и угличская канцелярии

формировались практически исключительно из дьяков царя и великого князя, тем самым власть удельных князей бралась под строгий контроль центра.

Данные о брачно-семейных связях удельных дьяков весьма немногочисленны. Те сведения, которые удалось найти в источниках, указывают на те же закономерности, что мы выявили применительно к дьякам и подьячим царя и великого князя.

Дьяки и подьячие удельных канцелярий владели поместьями и вотчинами. Поместья им выделялись на территории соответствующих уделов. Вотчинное землевладение удельных дьяков и подьячих, хотя и в меньшей степени, чем поместное, тяготеет к месту их постоянной службы. По уровню земельного обеспечения удельные дьяки явно уступали дьякам царя и великого князя.

На протяжении всего исследуемого периода канцелярия митрополитов Московских состояла не более чем из десятка дьяков единовременно. Численность митрополичьих дьяков, в отличие от дьяков царя и великого князя, на протяжении исследуемого периода оставалась практически стабильной. Косвенно это свидетельствует об отсутствии каких-либо существенных преобразований в системе митрополичьего управления.

Митрополичьей канцелярии была свойственная кадровая замкнутость. Переход дьяка главы Церкви на службу в другую канцелярию, или появление при дворе митрополита бывшего великокняжеского или удельного дьяка были большой редкостью. Полагаем, что изначально митрополичьи дьяки рекрутировались из тех же социальных групп, что и дьяки великого князя и дьяки удельных владетелей. В среде великокняжеских и удельных дьяков выходцы из «демократических» слоёв населения со второй половины XV в. начинают постепенно вытесняться выходцами из дворян. В среде митрополичьих дьяков первые выходцы из числа детей боярских отмечаются только в первой трети XVI в. Их доля в митрополичьей канцелярии, по всей видимости, не превышала трети. В 1533-1584 гг. почти половина дьяков митрополичьей канцелярии имела дворянские корни. При этом две трети из этой половины происходили из семей митрополичьих и архиерейских детей боярских. Подьячие канцелярии главы

Церкви сплошь лица неизвестного, а, следовательно, скорее всего, простого происхождения. Возможно, не случайно то, что ни один из митрополичьих подьячих не достиг дьячества.

При сравнении социального происхождения царских и митрополичьих дьяков можно заметить одну любопытную черту. Митрополичья канцелярия в своём развитии как бы отстаёт на один фазис. В 1425-1462 гг., когда должности великокняжеских дьяков заполняют выходцы из дворян и потомственные приказные, митрополичьи дьяки сохраняют «демократическое» происхождение, свойственное для дьяков XIV – первой четверти XV вв. В 1533-1584 гг., когда в приказе двинулась масса дьяков и подьячих из «демократических слоёв населения», существенно разбавившая дворянскую составляющую служилой бюрократии, среди дьяков главы Церкви тон задают выходцы из дворян. Только в 1505-1533 гг. великокняжеские и митрополичьи дьяки имели сходное социальное происхождение.

В материальном обеспечении дьяков митрополичьего двора существенную роль продолжало играть землевладение, представленное как поместьями, так и вотчинами. Крупных землевладельцев среди дьяков главы Церкви было немного. В этом отношении им было далеко до дьяков царя и великого князя. Географическое размещение имений дьяков митрополичьей канцелярии имеет особенности, аналогичные тем, что мы отмечали и применительно к столичной служилой бюрократии. Исследуемые земельные владения размещались преимущественно в уездах Московского и Владимирского района. Учитывая социальное происхождение митрополичьих дьяков и специфику их службы, можно полагать, что география митрополичьих имений зависит от географии земельных владений митрополичьего дома.

Примечательно, что за всё время бытования митрополичьей канцелярии, вплоть до 1584 г., нам не удалось обнаружить ни одного указания на существование земельных владений у митрополичьих подьячих. Создаётся впечатление, что исследуемая категория служащих канцелярии главы Церкви была безземельной и получала средства к существованию из иных источников.

Основные положения и научные результаты диссертационного исследования изложены в 35 публикациях объёмом ок. 77 а.л.

Монографии:

1. *Савосичев А.Ю.* Дьяки и подьячие XIV – первой трети XVI вв.: происхождение и социальные связи. Опыт просопографического исследования.– Орел: ФГБОУ ВПО «ОГУ», 2013. – 519 с. (29 а.л.).

2. *Савосичев А.Ю.* «Новые верники» грозного царя. К вопросу о происхождении и социальных связях дьяков Ивана Грозного: Опыт просопографического исследования. – Орел: ФГБОУ ВПО «ОГУ», 2015. – 479 с. (27 а.л.).

Статьи в изданиях, включенных в Перечень рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

3. *Савосичев А.Ю.* Приказная бюрократия и русская православная церковь в XV-XVI вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия История России. – 2006. – №1 (5). – С.5-17 (1 а.л.).

4. *Савосичев А.Ю.* Дьяк Федор Мишурин: судьба приказного бюрократа XVI в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия История России. – 2009. – №3. – С.76-87 (1 а.л.).

5. *Савосичев А.Ю.* Дьяки и подьячие второй половины XV столетия: к вопросу о социальном происхождении и статусе // Вопросы истории. – 2009. – №9. – С.120-131 (0,9 а.л.).

6. *Савосичев А.Ю.* О наследовании социального статуса в среде дьяков и подьячих второй половины XV века // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: история, политология, социология. – 2010. – №1. – С.83-86 (0,3 а.л.).

7. *Савосичев А.Ю.* Великокняжеский дьяк Иван Кобяк и дворянская фамилия Наумовых // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – 2010. – №4 (12). – С.100-105 (0,6 а.л.).

8. *Савосичев А.Ю.* К вопросу о социальном происхождении и статусе дьяков и подьячих Василия III // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: «Гуманитарные и социальные науки». – 2011. – №4 (42). – С.84-92 (0,9 а.л.).

9. *Савосичев А.Ю.* Дьяки второй четверти XV в.: происхождение и социальные связи // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2012. – №3. – С.42-46 (0,4 а.л.).

10. *Савосичев А.Ю.* Проблема социального происхождения дьяков и подьячих в отечественной историографии XIX – начала XX веков // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2012. – №4. – С.69-73 (0,5 а.л.).

11. *Савосичев А.Ю.* Проблема происхождения дьяков и подьячих XV-XVII в советской историографии // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2013. – №2. – С.38-44 (0,7 а.л.).

12. *Савосичев А. Ю.* К вопросу о происхождении подьячих первой трети XVI века // Вестник Тюменского государственного университета. – 2013. – №2. – С.103-112 (0,6 а.л.).

13. *Савосичев А.Ю.* К вопросу о наследовании социального статуса в среде дьяков первой трети XVI века // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2013.– Т.155. Кн.3. Ч.1. – С.30-45 (1,2 а.л.).

14. *Савосичев А.Ю.* Проблема происхождения дьяков и подьячих XIV-XVII веков в современной историографии // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – №376. – С.104-109 (0,8 а.л.).

15. *Савосичев А.Ю.* Удельные дьяки и подьячие первой половины XV века // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия:

История. Политология. Экономика. Информатика. – 2014. – Вып.31. – №15 (186). – С.90-94 (0,4 а.л.).

16. *Савосичев А.Ю.* Подьячие Ивана Грозного: происхождение и социальные связи // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2014. – №5 (61). – С.52-57 (0,6 а.л.).

17. *Савосичев А.Ю.* Проблема социального происхождения дьяков Ивана IV в контексте исследования ранних этапов развития российской бюрократии // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2014. – №6. – С.89-94 (0,5 а.л.).

Другие научные публикации по теме диссертации:

18. *Савосичев А.Ю.* К вопросу о месте дьячества в структуре служилого сословия Российского государства XV - XVII вв. // Русский исторический вестник. Международный ежегодник. 2000. – М., 2000. – С.201-206 (0,2 а.л.).

19. *Савосичев А.Ю.* Симфония государства и церкви и процессы бюрократизации аппарата церковного управления в России XV- XVI вв. // Патристическое наследие и традиции религиозно-философской и педагогической мысли в России: сборник докладов III Общеобразовательных чтений памяти свт. Феофана (Вышенского Затворника). – Орел. 2000. – С.81-91 (0,4 а.л.).

20. *Савосичев А.Ю.* Пером и саблей: приказная бюрократия на войне в последней четверти XVI в. // Nobless oblige: Праздничная и повседневная жизнь господствующих слоев Европы XVI – XX столетий. Материалы региональной научной конференции 15-17 мая 2002 г. – Орел, 2003. – С.4-10 (0,2 а.л.).

21. *Савосичев А.Ю.* Дьяки псковской приказной избы в XVI в. // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. – 2003. – №19. – С.27-40 (1,2 а.л.).

22. *Савосичев А.Ю.* Приказная бюрократия и военное сословие: к проблеме социального взаимодействия // Nobless oblige: Военные в традиционной культуре

Старого света. Жизнь. Окружение. Нравы. Материалы II Всероссийской конференции 1-3 октября 2003 г. – Орел, 2004. – С.34-38 (0,1 а.л.).

23. *Савосичев А.Ю.* Митрополичьи дьяки в XV в. // Ученые записки ОГУ. Т.III. – Орел, 2005. – С.112-117 (0,1 а.л.).

24. *Савосичев А.Ю.* Дьяки и подьячие второй половины XV в.: к проблеме социального происхождения // *Nobless oblige: Досужий мир. Отдых как форма культурного диалога.* Материалы III Всероссийской конференции 25-27 мая 2005. – г. Орел, 2005. – С.228-334 (0,2 а.л.).

25. *Савосичев А.Ю.* Землевладение приказной бюрократии во второй половине XV в. // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы XI Всероссийской научной конференции 5-7 апреля 2005 г. – Калуга, 2005. – С.76-80 (0,3 а.л.).

26. *Савосичев А.Ю.* Дьяки и подьячие удельных владельцев второй половины XV – начала XVI вв.: к проблеме социального происхождения // Православие и отечественная культура: наука, образование искусство. Материалы VII Всероссийского Образовательного форума, посвященного памяти свт. Феофана (Вышенского Затворника), с участием «Глинских чтений» 25-26 мая 2006 года. – Орел, 2006. – С.127-136 (0,6 а.л.).

27. *Савосичев А.Ю.* Дьяки и подьячие первой половины XV в. в системе социальных связей // Ученые записки ОГУ. Серия Религиоведение. Вып.4. – Орел, 2007. – С.45-55 (2 а.л.).

28. *Савосичев А.Ю.* К вопросу о возникновении бюрократии в России // Бюрократия и бюрократы в России в XIX и XX веках: общее и особенное. Материалы XII Всероссийской научно-теоретической конференции. – Москва: РГГУ, 2008. – С.349-355 (0,4 а.л.).

29. *Савосичев А.Ю.* Землевладение дьяков и подьячих XV – начала XVI вв. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография, методы исследования и методология: Опыт и перспективы. XXXI сессия. Симпозиум по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений. Вологда, 23-26 сентября 2008 г. – М., 2008. – С.27-28 (0,1 а.л.).

30. *Савосичев А.Ю.* Родословные росписи в генеалогии дьяческих фамилий XV-XVI вв. // Вспомогательные исторические дисциплины в пространстве гуманитарного знания. Материалы XXI международной научной конференции. Москва, 29-31 января 2009 г. – М., 2009. – С.313-316 (0,1 а.л.).

31. *Савосичев А.Ю.* Отцы и дети: к вопросу о наследовании социального статуса в среде дьяков второй половины XV в. // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы XII всероссийской научной конференции. Калуга, 3-5 апреля 2007 г. – Калуга, 2008. – С.129-132 (0,3 а.л.).

32. *Савосичев А.Ю.* Дьяки и подьячие первой трети XVI столетия: к вопросу о социальном происхождении и статусе // Материалы всероссийской научной конференции «Чтения памяти академика РАН Л.В. Милова». Москва 17-19 сентября 2009 г. – М., 2009. – С.130-135 (0,1 а.л.).

33. *Савосичев А.Ю.* Приказная бюрократия и купечество в России XVI в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI-XIX вв. Сборник материалов Второй международной научной конференции (Курск, 2009). – Курск, 2009. – С.30-34 (0,4 а.л.).

34. *Савосичев А.Ю.* Брачно-семейные связи дьяков и подьячих второй половины XV в. // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы XIII всероссийской научной конференции. Калуга, 7-9 апреля 2009 г. – Калуга, 2009. – С.25-27 (0,2 а.л.).

35. *Савосичев А.Ю.* К вопросу о родственных связях дьяческих семей с аристократическими фамилиями из дома Романовых // Династия Романовых и российская провинция. Материалы всероссийской научной конференции. Орёл, 17-18 апреля 2013 г. – Орёл, 2013. – С.23-26 (0,1 а.л.).